
ГЛАВНЫЕ МЫСЛИ ЭТОЙ КНИГИ

Монополия, раз она сложилась и ворочает миллиардами, с абсолютной неизбежностью пронизывает все стороны общественной жизни, независимо от политического устройства и от каких бы то ни было других «частностей».

Капитализм есть товарное производство на высшей ступени его развития, когда и рабочая сила становится товаром.

Капиталисты делят мир не по своей особой злобности, а потому, что достигнутая степень концентрации заставляет становиться на этот путь для получения прибыли.

Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний.

ГЛАВНЫЕ МЫСЛИ ЭТОЙ КНИГИ

*Монополия есть переход от капитализма
к более высокому строю.*

---

*«Всеобщее» увлечение его перспективами,
бешеная защита империализма,
всевозможное прикрашивание его —
таково знамение времени. Империалистская
идеология проникает и в рабочий класс.
Китайская стена не отделяет его
от других классов.*

---

*Мирные союзы готовят войны
и, в свою очередь, вырастают из войн,
обуславливая друг друга, рождая перемену
форм мирной и немирной борьбы из одной
и той же почвы империалистских связей
и взаимоотношений всемирного хозяйства
и всемирной политики.*

---

*Империализм есть эпоха
финансового капитала и монополий,
которые всюду несут стремления
к господству, а не к свободе.*

Об этой книге

Как бы ни менялась политическая конъюнктура и какое бы ни складывалось в обществе отношение к идеям марксизма и коммунизма, В. И. Ленин остается одним из самых знаменитых политиков-философов в истории.

Переход на рубеже XIX и XX веков от стадии первоначального накопления капитала к стадии монополистического капитализма, или империализма, — как он произошел, что стало его причинами и какие он несет следствия? Эти вопросы волновали Ленина, и еще в начале 1910-х годов он приступил к сбору материалов для книги, в которой излагались бы основные экономические закономерности, присущие капитализму на данном этапе развития.

Непосредственно к написанию книги «Империализм как высшая стадия капитализма» (или «популярного очерка», по характеристике самого автора) Ленин приступил в начале 1916 года в Цюрихе. Эта работа предназначалась для легального издания в России, и потому автор, по его собственному признанию, «не только был вынужден строжайше ограничить себя исключительно теоретическим — экономическим в особенности — анализом, но и формулировать необходимые немногочисленные замечания относительно политики с громаднейшей осторожностью, намеками». Книга была закончена в июне 1916 года; впервые она была издана в Петрограде в апреле 1917 года.

Начиная работу, Ленин задумывал очерк «Империализм как высшая стадия капитализма» в качестве ответа на работу британского экономиста и социолога Джона Аткинсона

Гобсона «Империализм», вышедшую в свет в 1902 году. По словам Ленина, Гобсон в своем труде дал обстоятельное описание основных экономических и политических особенностей империализма. Ленин критикует британского экономиста (позиции которого, в особенности в области экономического анализа, были близки к марксистским) как «идеолога буржуазного социал-реформизма и пацифизма».

Еще одной своей задачей Ленин видел критику ультраимпериализма — некоей фазы капитализма, которая должна сменить империализм. Эта идея основывалась на том, что империализм, стремящийся к войне, может быть преодолен внутри самой капиталистической формации. Теория умиротворения империализма была предложена Гобсоном, а всесторонне развита немецким марксистом, экономистом и историком Карлом Каутским. Ленин был категорически не согласен с Каутским и считал, что империализм — это последняя, а не предпоследняя фаза развития капитализма.

Книга «Империализм как высшая стадия капитализма» стала прямым продолжением и развитием «Капитала» К. Маркса. И по сей день труд В. И. Ленина остается одним из основных для описания экономических и политических особенностей империализма. Его внимательное изучение исключительно важно сегодня для обсуждения и понимания важнейших проблем, стоящих перед современной цивилизацией: степень адекватности главных моделей марксизма в анализе развития и кризиса капитализма; природа русской революции и причины раскола российского левого движения в 1917 г.; крах официальной советской идеологии и мирового левого движения в конце XX века; перспективы построения рыночной экономики на территории СССР; доктрина глобализации и ее идеологическое прикрытие.

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя брошюра написана мной весной 1916 года в Цюрихе. В тамошних условиях работы мне приходилось, естественно, терпеть известный недостаток во французской и английской литературе и очень большой недостаток — в литературе русской. Но все же главный английский труд об империализме, книгу Дж.-А. Гобсона¹, я использовал с тем вниманием, которого этот труд, по моему убеждению, заслуживает.

Брошюра писана для царской цензуры. Поэтому я не только был вынужден строжайше ограничить себя исключительно теоретическим — экономическим в особенности — анализом, но и формулировать необходимые немногочисленные замечания относительно политики с громаднейшей осторожностью, намеками, тем эзоповским — проклятым эзоповским — языком, к которому царизм заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для «легального» произведения.

Тяжело перечитывать теперь, в дни свободы, эти искаженные мыслью о царской цензуре, сдавленные, сжатые в железные тиски места брошюры. О том, что империализм есть канун социалистической революции; о том, что социал-шовинизм (социализм на словах, шовинизм

---

¹ *Джон Аткинсон Гобсон* (1858—1940) — британский экономист и социолог; наиболее известен своими работами об империализме, которые оказали большое влияние на В. И. Ленина. (Здесь и далее, если не указано иное, — примечания редакции.)

на деле) есть полная измена социализму, полный переход на сторону буржуазии, что этот раскол рабочего движения стоит в связи с объективными условиями империализма и т. п., — мне приходилось говорить «рабьим» языком, и я вынужден отослать читателя, интересующегося вопросом, к выходящему вскоре переизданию моих зарубежных статей 1914—1917 годов. Особенно стоит отметить одно место, на страницах 119—120: чтобы в цензурной форме пояснить читателю, как бесстыдно лгут капиталисты и перешедшие на их сторону социал-шовинисты (с коими так непоследовательно борется Каутский¹) по вопросу об аннексиях, как бесстыдно они прикрывают аннексии своих капиталистов, я вынужден был взять пример... Японии! Внимательный читатель легко подставит вместо Японии — Россию, а вместо Кореи — Финляндию, Польшу, Курляндию, Украину, Хиву, Бухару, Эстляндию и прочие невеликороссами заселенные области.

Я бы хотел надеяться, что моя брошюра поможет разобраться в основном экономическом вопросе, без изучения которого нельзя ничего понять в оценке современной войны и современной политики, именно в вопросе об экономической сущности империализма.

Автор

Петроград. 26 апреля 1917 года

---

¹ Карл Иоганн Каутский (1854—1938) — немецкий экономист, историк и политический деятель; один из ведущих теоретиков марксизма.

I. Концентрация производства и монополии

Громадный рост промышленности и замечательно быстрый процесс сосредоточения производства во все более крупных предприятиях являются одной из наиболее характерных особенностей капитализма. Самые полные и самые точные данные об этом процессе дают современные промышленные переписи.

В Германии, например, из каждой тысячи промышленных предприятий было крупных, т. е. имеющих свыше 50 наемных рабочих, в 1882 году — 3, в 1895-м — 6 и в 1907-м — 9. На их долю приходилось из каждой сотни рабочих: 22, 30 и 37.

Но концентрация производства гораздо сильнее, чем концентрация рабочих, потому что труд в крупных заведениях гораздо производительнее. На это указывают данные о паровых машинах и об электрических двигателях. Если взять то, что в Германии называют промышленностью в широком смысле, т. е. включая и торговлю, и пути сообщения, и т. п., то получим следующую картину. Крупных заведений 30 588 из 3 265 623, т. е. всего 0,9 %. У них рабочих — 5,7 миллионов из 14,4 млн, т. е. 39,4 %; паровых лошадиных сил — 6,6 млн из 8,8, т. е. 75,3 %; электрических — 1,2 млн киловатт из 1,5 млн, т. е. 77,2 %.

Менее чем одна сотая доля предприятий имеет более $\frac{3}{4}$ общего количества паровой и электрической силы! На

долю 2,97 млн мелких (до 5 наемных рабочих) предприятий, составляющих 91 % всего числа предприятий, приходится всего 7 % паровой и электрической силы! *Десятки тысяч крупнейших предприятий — всё; миллионы мелких — ничто.*

Заведений, имеющих 1000 и более рабочих, было в Германии в 1907 году 586. У них почти десятая доля (1,38 млн) общего числа рабочих и почти треть (32 %) общей суммы паровой и электрической сил. Денежный капитал и банки, как увидим, делают этот перевес горстки крупнейших предприятий еще более подавляющим, и притом в самом буквальном значении слова, т. е. миллионы мелких, средних и даже части крупных «хозяев» оказываются на деле в полном порабощении у нескольких сотен миллионеров-финансистов.

В другой передовой стране современного капитализма, в Соединенных Штатах Северной Америки, рост концентрации производства еще сильнее. Здесь статистика выделяет промышленность в узком смысле слова и группирует заведения по величине стоимости годового продукта. В 1904 году крупнейших предприятий, с производством в 1 миллион долларов и свыше, было 1900 (из 216 180, т. е. 0,9 %) — у них 1,4 млн рабочих (из 5,5 млн, т. е. 25,6 %) и 5,6 миллиардов производства (из 14,8 млрд, т. е. 38 %). Через 5 лет, в 1909 году, соответственные цифры: 3060 предприятий (из 268 491; — 1,1 %) с 2,0 млн рабочих (из 6,6; — 30,5 %) и с 9,0 миллиардами производства (из 20,7 миллиардов; — 43,8 %).

Почти половина всего производства всех предприятий страны в руках одной сотой доли общего числа предприятий! И эти три тысячи предприятий-гигантов

охватывают 258 отраслей промышленности. Отсюда ясно, что *концентрация, на известной ступени ее развития, сама собой подводит, можно сказать, вплотную к монополии. Ибо нескольким десяткам гигантских предприятий легко прийти к соглашению между собой, а, с другой стороны, затруднение конкуренции, тенденция к монополии порождается именно крупным размером предприятий.*

Это превращение конкуренции в монополию представляет из себя одно из важнейших явлений — если не важнейшее — в экономике новейшего капитализма, и нам необходимо подробнее остановиться на нем. Но сначала мы должны устранить одно возможное недоразумение.

Американская статистика говорит: 3000 гигантских предприятий в 250 отраслях промышленности. Как будто бы всего по 12 предприятий крупнейшего размера на каждую отрасль.

Но это не так. Не в каждой отрасли промышленности есть большие предприятия, а, с другой стороны, крайне важной особенностью капитализма, достигшего высшей ступени развития, является так называемая *комбинация*, т. е. соединение в одном предприятии разных отраслей промышленности, представляющих собой либо последовательные ступени обработки сырья (например, выплавка чугуна из руды и переделка чугуна в сталь, а далее, может быть, производство тех или иных готовых продуктов из стали), либо играющих вспомогательную роль одна по отношению к другой (например, обработка отбросов или побочных продуктов, производство предметов упаковки и т. п.).

«Комбинация,— пишет Гильфердинг¹,— уравнивает различия конъюнктуры и потому обеспечивает для комбинированного предприятия большее постоянство нормы прибыли. Во-вторых, комбинация приводит к устранению торговли. В-третьих, она делает возможными технические усовершенствования, а следовательно, и получение дополнительной прибыли по сравнению с “чистыми” (т. е. некомбинированными) предприятиями. В-четвертых, она укрепляет позицию комбинированного предприятия по сравнению с “чистым”, усиливает его в конкурентивной борьбе во время сильной депрессии (заминки в делах, кризиса), когда понижение цен сырья отстает от понижения цены фабрикатов».

Немецкий буржуазный экономист Гейман, посвятивший особое сочинение описанию «смешанных», т. е. комбинированных, предприятий в немецкой железодельной промышленности, говорит: «Чистые предприятия гибнут, раздавленные высокой ценой на материалы, при низких ценах на готовые продукты».

Получается такая картина:

«Остались, с одной стороны, крупные, каменноугольные компании, с добычей угля в несколько миллионов тонн, крепко организованные в своем каменноугольном синдикате, а затем — тесно связанные с ними крупные сталелитейные заводы со своим стальным синдикатом. Эти гигантские предприятия с производством стали в 400 000 тонн (тонна = 60 пудов) в год, с громадной до-

---

¹ *Рудольф Гильфердинг* (1877—1941) — австрийский и немецкий экономист и политический деятель; в 1920-х гг. занимал пост министра финансов Веймарской республики.

бычей руды и каменного угля, с производством готовых изделий из стали, с 10 000 рабочих, живущих по казармам заводских поселков, иногда со своими собственными железными дорогами и гаванями являются типичными представителями немецкой железной промышленности. И концентрация идет все дальше и дальше вперед. Отдельные предприятия становятся все крупнее; все большее число предприятий одной и той же или различных отраслей промышленности сплавивается в гигантские предприятия, для которых полдюжины крупных берлинских банков служат и опорой и руководителями. По отношению к германской горной промышленности точно доказана правильность учения Карла Маркса о концентрации; правда, это относится к стране, в которой промышленность защищена охранительными пошлинами и перевозочными тарифами. Горная промышленность Германии созрела для экспроприации».

К такому выводу должен был прийти добросовестный, в виде исключения, буржуазный экономист. Надо отметить, что он как бы выделяет Германию особо ввиду защиты ее промышленности высокими охранительными пошлинами. Но это обстоятельство могло лишь ускорить концентрацию и образование монополистических союзов предпринимателей, картелей, синдикатов и т. п. Чрезвычайно важно, что в стране свободной торговли, Англии, концентрация *тоже* приводит к монополии, хотя несколько позже и в другой, может быть, форме. Вот что пишет профессор Герман Леви¹ в специальном исследовании о «Монополиях, картелях и трестах» по данным об экономическом развитии Великобритании:

---

¹ Герман Леви (1881—1949) — немецкий экономист и писатель.

«В Великобритании именно крупный размер предприятий и их высокий технический уровень несут в себе тенденцию к монополии. С одной стороны, концентрация привела к тому, что на предприятие приходится затрачивать громадные суммы капитала; поэтому новые предприятия стоят перед все более высокими требованиями в смысле размеров необходимого капитала, и этим затрудняется их появление. А с другой стороны (и этот пункт мы считаем более важным), каждое новое предприятие, которое хочет стать на уровне гигантских предприятий, созданных концентрацией, должно производить такое громадное избыточное количество продуктов, что прибыльная продажа их возможна только при необыкновенном увеличении спроса, а в противном случае этот избыток продуктов понизит цены до уровня, невыгодного ни для нового завода, ни для монополистических союзов». В Англии монополистические союзы предпринимателей, картели и тресты, возникают большей частью — в отличие от других стран, где охранительные пошлины облегчают картелирование, — лишь тогда, когда число главных конкурирующих предприятий сводится к «каким-нибудь двум дюжинам». «Влияние концентрации на порождение монополии в крупной промышленности сказывается здесь с кристальной ясностью».

Полвека тому назад, когда Маркс писал свой «Капитал», свободная конкуренция казалась подавляющему большинству экономистов «законом природы». Казенная наука пыталась убить посредством заговора молчания сочинение Маркса, доказавшего теоретическим и историческим анализом капитализма, что свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на известной ступени своего развития

ведет к монополии. Теперь монополия стала фактом. Экономисты пишут горы книг, описывая отдельные проявления монополии и продолжая хором заявлять, что «марксизм опровергнут». Но факты — упрямая вещь, как говорит английская пословица, и с ними волей-неволей приходится считаться. Факты показывают, что различия между отдельными капиталистическими странами, например в отношении протекционизма или свободной торговли, обуславливают лишь несущественные различия в форме монополий или во времени появления их, а порождение монополии концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма.

Для Европы можно установить довольно точно время окончательной смены старого капитализма новым — это именно начало XX века. В одной из новейших сводных работ по истории «образования монополий» мы читаем:

«Можно привести из эпохи до 1860 года отдельные примеры капиталистических монополий; можно открыть в них зародыши тех форм, которые столь обычны теперь, но все это, безусловно, доисторические времена для картелей. Настоящее начало современных монополий относится, самое раннее, к 1860-м годам. Первый крупный период развития монополий начинается с международного угнетения промышленности 1870-х годов и простирается до начала 1890-х годов. Если рассматривать дело в европейском масштабе, то предельным пунктом развития свободной конкуренции являются 1860-е и 1870-е годы. Тогда Англия закончила постройку своей капиталистической организации старого стиля. В Германии эта организация вступила в решительную борьбу с ремеслом и домашней

промышленностью и начала создавать себе свои формы существования.

Большой переворот начинается с краха 1873 года или, вернее, с депрессии, которая последовала за ним и которая — с едва заметным перерывом в начале 1880-х годов и с необыкновенно сильным, но коротким подъемом около 1889 года — заполняет 22 года европейской экономической истории. Во время короткого периода подъема 1889—1890 годов картелями сильно пользовались для использования конъюнктуры. Необдуманная политика поднимала вверх цены еще быстрее и еще сильнее, чем это произошло бы без картелей, и почти все эти картели погибли бесславно “в могиле краха”. Прошло еще пять лет плохих дел и низких цен, но в промышленности царило уже не прежнее настроение. Депрессию не считали уже чем-то само собой разумеющимся, в ней видели лишь паузу перед новой благоприятной конъюнктурой.

И вот картельное движение вступило в свою вторую эпоху. *Вместо преходящего явления картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Они завоевывают одну область промышленности за другой и в первую голову обработку сырых материалов.* Уже в начале 1890-х годов картели выработали себе в организации коксового синдиката, по образцу которого создан угольный синдикат, такую картельную технику, дальше которой движение, в сущности, не пошло. Большой подъем в конце XIX века и кризис 1900—1903 годов стоят — по крайней мере, в горной и железной промышленности — впервые всецело под знаком картелей. И если тогда это казалось еще чем-то новым, то теперь для широкого общественного сознания стало само собой разумеющейся истиной, что крупные